

«НИ ОДНОГО ДНЯ БЕЗ СОБСТВЕННО СОЗДАННОЙ РАДОСТИ...»*И.М. Шабунина*

Когда воспроизводишь свое отношение в словах к таким людям, как Максим Матвеевич Загорулько, хочется абстрагироваться, в некотором роде, от сухих, стандартных, хотя, может быть, и точных характеристик и прибегнуть к описанию не столь определенному, а скорее эмоционально окрашенному, но при этом, думается, лучше передающему суть этой удивительной личности.

В такого рода восприятии, когда попадаешь в круг его обаяния, ощущаешь влияние энергетики сильнейшей воли этого человека. Люди испытывают фантастическое удовольствие от общения с ним. Ведь не часто встречаются люди с такой непохожестью, а его внутренняя свобода, которая вмиг завораживает, заставляет, хочешь ты этого или нет, как-то по-иному взглянуть на мир. Разве это не исключительность, которая даруется только избранным, но не только им, а и людям, общающимся с ними?

Возможно, что мое восприятие, если говорить о том, о чем я хочу написать, слишком индивидуально. Возможно... Но я видела не раз, какое впечатление он производит на других людей, причем не только сиюминутное, проходящее, а, наоборот, надолго запоминающееся. Слышала от многих рассказы о нем, похожие на легенды. Да, он человек-легенда, ставший оным еще в молодом возрасте. Говорят, истина — в деталях, мне тоже кажется, что человека до конца трудно узнать, понять, но почувствовать можно мгновенно по какой-либо его рефлексии на то или иное событие, чей-то поступок и, в конце концов, по его собственным малым и большим поступкам, позиции.

Мне всегда казалось, что живет этот человек по необычному, им самим придуманному сценарию жизни, но имеет при этом абсолютное, очень точное представление о реальном мире. И не зыбкая заоблачность в представлениях о жизни выражает его человеческую натуру, а, наоборот, в нем чувствуется некая та сущностная основа, кото-

рая не только помогает ему во всех делах, мироощущении. Порой даже кажется, что ему подвластно чуть ли не удерживать каким-то образом пошатнувшееся мироздание нашей современной российской действительности. Это то, что, наверное, больше всего и впечатляет, и влечет к нему огромное количество людей. Куда бы он ни пришел, где бы ни появился, он вмиг становится «центром вселенной», душой общества. Людям нужны духовные опоры, люди тянутся к сильным людям. Это очевидно и в данном случае. Да, Максим Матвеевич — безусловно, прежде всего, сильная личность!

Уникальный человек по своей общественной активности, большой организатор науки и вообще великолепный организатор во всем, за что б он ни взялся, патриот своей страны (последнее качество у него доведено до почти болезненной обостренности), человек, во всех жизненных ситуациях имеющий свою твердую позицию и умеющий отстаивать ее публично, и еще владелец многих других черт, столь же свойственных ему и делающих этого человека необычайно многогранным, — таков официальный, общественно признанный облик профессора М.М. Загорулько. О каждой черте его натуры можно написать отдельный рассказ или повесть — так оставляют след в жизни незаурядные люди, уча своим примером других современников, да, наверное, их влияние огромно и на идущие следом поколения людей. Мне хочется, повторю, как-то неофициально воссоздать образ этого человека, которого я скорее поняла на эмоциональном уровне, так как мой рассудок не всегда способен объяснить многие проявления натуры, его необыкновенности.

Демоны юности не долго будоражили его воображение, носили его по бездорожью молодости, он быстро стал взрослым, уйдя на фронт. На фронте бил врага, хоронил своих товарищей и один из немногих вернулся в мирную послевоенную жизнь. Попал в вузовскую аудиторию не к сверстникам, а к

тем, для кого был героем, непререкаемым авторитетом во всем: ведь он был фронтовиком, пришел учиться в пропахнувших порохом гимнастерке и шинели, с обожженным войной сердцем, с тем максимализмом правдопонимания, что так отличало и отличает этих людей от других. Все это отличие его от иных студентов лишь поднимало планку собственной ответственности за все, что происходило вокруг (это качество не изгладилось у него до седых волос!). Все годы становления мирной жизни выделяло его из окружающих людей, как я уже говорила, особое чувство патриотизма, и не трибунного, а действенного: отчизна всегда звала и зовет не только на ратные подвиги, но и на подвиги мирного созидания. Тут он был, как и большинство фронтовиков, примером для окружающих. При всем при этом он, конечно, не святой и далеко не всегда прав, да что там говорить, бывает чудовищно не прав. Его равнодушие ко всему, что происходит вокруг, не всегда понятно, так и кажется, что это про него сложилась в народе пословица: «Этот хочет быть на каждом похоронах мертвецом, на каждой свадьбе женихом». Наверное, в сегодняшнем мире тотального равнодушия ко всему и вся тех, от кого многое зависит, эта способность Максима Матвеевича «встревать» во все подчеркивает лишь его благостную исключительность. Но есть и непонятное в нем. Так, мне просто страшно не нравится его политическая ориентация. Ведь, будучи из семьи репрессированных, он был и остается убежденным коммунистом (справедливости ради, можно лишь уточнить: коммунистом, но не догматиком в этой области, не политическим игроком, какими стали многие, очень многие из капээрешной элиты). На все, например, мои гневные сетования в адрес персоналий от КПРФ он нарочито, как мне казалось, уходит от разговора на эту тему, давая понять, что поведение отдельных людей в этой партии отнюдь не отменяет ее общей правды. Можно не соглашаться с ним, но можно и понять его. Он продукт своего времени. Всю жизнь жил, служил, исповедуя те принципы, которые были написаны на скрижалях знамен компартии, да, в конце концов, он долго проповедовал марксизм как преподаватель-обществовед в советское время, и, наконец, он неоднократно умирал на войне, видел, как умирали его товарищи за Родину, за Партию, с именем ее лидера на губах. Он был и остается сыном советского народа, знает изнутри, что называется,

подвиг советских людей, отстроивших свою страну, и хотя очень многое, как умный наблюдательный человек, он видел и, наверное, критически переоценивал в своем сознании, но так называемых «перевертышей» он не приемлет, и будучи во всем современным, удивительно созидательно живущим человеком и в сегодняшнем мире, то есть в эпоху новейшей истории (если квалифицировать последнее в официальных параметрах), он активный творец этой истории. Если он и меняется, если и переоценивает свои взгляды, то не то чтобы медленно, — для этого ему надо получить достаточно значимые доводы, которые бы веско опрокидывали его прежние политические и жизненные воззрения. Да, он меняется, но для него это трудный процесс, тем более что сегодняшняя реальная жизнь, с одной стороны, и лозунги экономических и политических реформ — с другой, слишком рознятся, слишком противоречивы для переосмысливания устоявшихся взглядов...

Какой же он человек? Плохой, хороший?.. Для него нет стереотипов в определении, и все же наиболее приближающее к истине определение, которое как бы оживляет его характеристику, хочется еще раз подчеркнуть, почти сакраментальное — «не похож ни на кого!». Ему словно суждено удивлять людей всю жизнь, и это, наверное, еще и потому, что судьбе (фортуне) угодно было не только его заметить, но и отметить. Но и он помогает судьбе, когда она в своих благостях остывает, тогда он словно толкает вперед ее всей своей мощной силой натуры. Следуя справедливости, хочется отметить, что при всем при этом жизнь его складывалась и складывается не так уж легко: взлеты и падения постоянно присутствовали в его судьбе. Он с достоинством принимал трудности и, не менее мужественно, удары. Я помню многие перипетии в его жизни, потому что он был слишком «на виду», потому что судьбе было угодно нам жить и работать в одной сфере и дружить семьями. Если судить поверхностно, то его карьера — весьма удачна, но опять, наверное, только Бог и он сам знают, сколько ненужных сил ушло у него на борьбу с ветряными мельницами. Вспомнить хотя бы, как говорится, вехи его пути: разве мало усилий ушло на создание кафедры в политехническом институте, отвечающей повышенным требованиям ректора Хардина, тогда прославленного в стране ученого? А создать пединститут в Волгограде, с его дей-

ственным кадровым составом. И на пустом месте, на абсолютно пустом месте, уже далеко не в молодом возрасте построить современный госуниверситет! Как представляется его сподвижникам, этот университет — его лебединая песня, останется его детищем навсегда, какими бы выдающимися успехами ни увенчала жизнь его преемника (а это уже происходит!), также блестящего ученого и организатора — ректора О.В. Иншакова.

Сегодня Волгоградский государственный университет ассоциативно по внешнему виду, да, впрочем, и внутренней своей содержательностью похож на мифический корабль, плывущий по пустыне, где ориентирами служат что ни на есть подлинные маяки прогресса. Да простят мне эту метафору, но я уверена, что она довольно точно отражает общее впечатление о госуниверситете. Ведь действительно, вопреки нормальной логике, госуниверситет вот уже четверть века преодолевает пески рутины общего отставания, так системно поразившего большинство вузов, всю нашу образовательную систему, да и общую жизнь. Сегодня, по мнению просвещенной общественности, Волгоградский государственный университет, быстро заняв лидирующее место среди вузов региона как очаг образования, знания, культуры и науки, продолжает успешно путь в то прекрасное завтра, средства достижения которого являлись и являются предметом бессонных ночей, неустанной работы и мечты вузовцев и, конечно, ректоров: настоящего и бывшего.

Молодому, самому молодому среди вузов региона коллективу университета, так талантливо созданному первым ректором — М.М. Загоруйко и не менее успешно укрепляемому в плане потенциала научно-преподавательского состава нынешним ректором — О.В. Иншаковым, по плечу сегодня решения очень больших задач, которые тем экстраординарнее, чем складывающийся общий фон развития вузов регионов страны. К каким же прекрасным приближающимся берегам стремится корабль «Госуниверситет»? Прежде всего, обладая высококвалифицированным, высокоостепененным молодым коллективом, его движущей силой является знание и, следовательно, преподавание на уровне острия самых современных достижений научной мысли, дерзновенное новаторство в творчестве... Но чтобы было так, нужны, как раньше, так и ныне, исполинские усилия. Если говорить о прошлом, то в какой-то мере о дерзновенности в этом созидании, умении не

бояться ответственности в деле говорит почти забавный случай «увода» облицовочного мрамора на заре строительства университета «из-под носа» партийных бонз (не будь к ночи они упомянуты...), ранее предназначенного для Дома политпросвещения. Пока каналась там, наверху, куда его лучше ставить, Максим Матвеевич почти по-остапобендерски быстро сумел пристроить этот мрамор для отделки в строящемся здании университета. Как ему удалось уговорить, и, наверное, ни одного человека, взять на себя ответственность за это, знает лишь он. Но дерзость по тем временам была неслыханная, за это он мог поплатиться партбилетом, всей карьерой или попасть даже под суд. Удивительно! Принцип «ввязаться в драку», а потом уже отвечать, спокойно разясняя оппонентам общественную значимость содеянного, — это его стиль работы управленца-хозяйственника в эпоху дефицита и партийно-волевой неразберихи. А как иначе? Как преодолеть торможение, которое, вообще-то, было нередко в хозяйственной жизни и тех лет, если действие не декларировалось с самого верха или не представляло собой объявленную по вертикали всенародную стройку. Надо было строить университет, строить качественно, и, конечно же, чтобы все согласовать, надо было много, ох как много испортить кровушки, рисковать, но делать дело не для себя, для людей. И оно спорилось. Для него это было главным, а потери (конечно, в первую очередь здоровья)... он всю жизнь этим пренебрегал, и спасал, как всегда, его оптимизм. Да, приятно наблюдать ныне, как ножки студентов скользят по гляncу мрамора, и будет это происходить долгие, долгие годы... Приятно видеть, как в чистоте мраморных стен, полов, лестниц, холлов, пролетов отражаются группки студентов. И кто его знает, может быть, холодная чистота мрамора и еще любовь вспестанная и традиционно продолжающаяся, заразившая всех к своему прекрасному университету, помогает здесь блюсти нездешний порядок. Волгоградский госуниверситет может гордиться добротной оборудованными аудиториями, блестящей профессурой, научными результатами новейших исследований.

С ректорской должности он ушел, одни говорят — «вовремя», другие — «мог еще и поработать», но он ушел, чтобы не мешать представителю восходящего нового поколения, и одновременно он остался, чтобы помогать последнему. Как бы успешно ни развивался

университет, за Максимом Матвеевичем останется созидательное начало: в кратчайший срок, вырванный у исторического времени, именно им создан Волгоградский госуниверситет. А для этого потребовалось буквально заставить партийное чиновничество дать согласие, добиться понимания, признания, найти возможности, материально-финансовые ресурсы, организовать строительную индустрию, выискать соратников, сочувствующих и просто людей, способных хотя бы толику внести на алтарь создания университета, отыскать преподавателей, творческих людей, организовать кузницу научно-преподавательских кадров, которые бы все вместе смогли поднять уровень образовательного процесса соответственно подлинно университетским требованиям, сумели бы работать и одновременно научно расти, выявлять актуальные для страны направления научных исследований, связать все это вместе и переплавить, — это значит создать современный университет, способный отвечать вызовам времени. Для этого надо было совершить подвиг рукотворный и не рукотворный. Недаром его называли городским прорабом, заслуженным строителем, вечным ректором, шутили, ругали и завидовали. Но он построил университет!

Сегодня Максим Матвеевич обрел новую стезю приложения своих незаурядных способностей, теперь он не администратор, а ученый. Его деятельность чисто научная. Кажется, что он вновь с яростью компенсирует то продолжительное время жизни, ушедшее на организаторскую работу, воплощая усилия в тяжелые тома книг, которые он выпускает в год по несколько штук. В одних книгах он оживляет события истории народного хозяйства, в других — скрупулезно исследует этапы экономического строительства страны или воскрешает имена пленных русских и немцев (тоже история!), одним словом, создает опять памятники труда, народной боли военных лет, воссоздает историю развития страны и ставшего ему родным края — Волгоградской области. Редактирует региональный журнал «Стрежень» и делает еще многое и многое другое, организует вновь, добивается, работает в архивах, пишет, выступает... Куда он спешит? Ведь находит же даже тематику исследований, которая до него почему-то была не востребована, и на удивление быстро получают признание научной общественности эти труды. Поневоле удивляешься, почему никто до него не догадался поднять эти пласты знания для на-

учного осмысления? Он спешит, или этот безумный темп для него обычен? (Продуктивность-то чудовищная!). И чего только стоит его пристальное внимание к Сталинградской битве: ведь и здесь не только нашел новые, неведомые страницы истории, открыл новые имена и проявил поступки тех людей, которые много сделали в этой войне, но почему-то были обойдены вниманием историков, а он увидел и поднял все это из небытия. Видно, неукротимая жажда правды, действия, патриотичность настроя помогает ему уже в очень преклонном возрасте открывать новое и в жизни, и в науке истории.

Мне всегда казалось, что одаренность талантами человека должна простираться и на личную его жизнь. Мы с Максимом Матвеевичем соседи по даче, а это — жизнь почти без стен. Соседи наблюдали его в семье, ни в какие-то особые праздничные дни, а что ни на есть в долгие будни многих лет. Он и тут поражает воображение всех: в общем-то, в общественной жизни — жестко требовательный человек, в семье — легок и беспрельдно нежен «со своими девочками». Не устаешь удивляться: там, где другой глава семьи проявил бы раздражение, нетерпение, категоричность, Максим Матвеевич как-то мягко переводит шероховатости в общении в шутку. Чем упрекнуть кого-то в чем-то, он лучше представит свою позицию с примесью самоиронии или, мягко улыбаясь, даст понять, что, мол, если он что-то значит для членов семьи, то они учтут его желания. И «девчонки» это учитывают, он безумно любит своих детей: сына, дочь и внучку, о жене и говорить нечего. Он не только ее боготворит, но, главное, уважает, бережно, чрезвычайно бережно относится к своим любимым. Обратная связь налицо: жена стала ему не только хорошим другом, но можно в полном смысле слова назвать ее соратницей, и хотя он блистательно делает вид, что слушается ее во всем, остается при этом удивительно независимым человеком. Но что стоит ему быть великодушным, — для него в отношении близких это привычно. «Я — подкаблучник!» — говорит он, и все улыбаются, понимая, что это далеко не так, хотя его поведение отнюдь не разрушает единомыслия и гармонии в семье. Умный человек, что и говорить. Дочь Нина — его клон, так они похожи! Она обожает отца и полностью всю свою жизнь оправдывает самые взыскательные желания родителей. «Богом данный ребенок», — говорят о ней люди, и они совер-

шенно правы. Живя в Москве, самостоятельно завоевав себе, как говорится, место под солнцем, она воспитывает дочь, особо любимую внучку Максима Матвеевича, при этом она просто необыкновенно заботлива по отношению к родителям. Внушка Ирина — студентка МГУ, юное создание, безусловно, новой человеческой ротации, но нужно видеть, как дед прививает ей крепость жизненных принципов. И результат — пожалуйста! Сквозь современное, молодежное, чисто внешнее украшательство уже сейчас просматривается внутреннее семейное жизненное кредо — жить по совести.

Вспоминается, как я, вообще-то, познакомилась с Максимом Матвеевичем, а если честнее, то как мне страстно захотелось с ним познакомиться при очень смешных обстоятельствах. Дело было так. Мои друзья по институту, известные в нашем городе люди — чета Мезенцевых, получили квартиру в престижном, по тем временам обкомовском, доме и, сделав ремонт, пригласили меня посмотреть и дать оценку. Помню, вхожу в пустые хоромы: пахнет побелкой и краской, разглядываю комнаты и вдруг буквально застываю как вкопанная: на безупречно покрашенной стене светлым колером во всю ее диагональ фломастером написано: «Дураки, надо клеить обои!» «Кто это? Какой ужас, какая прелесть! Нет, какое хулиганство! Кто это сделал?! — не устаю восклицать я. Слышу в ответ: «Ректор пединститута, профессор Загорюлько». «Ну какой же хулиган! Что будете делать? Познакомьте меня с ним», — прошу их. В последующие годы дружеских отношений с этим человеком не переставали удивлять меня, и, думаю, не только меня, а многих других людей, контактирующих с ним, его веселая непредсказуемость, неожиданность, его разного рода «штучки». Он всегда любил опрокидывать их щедрыми пригоршнями на головы друзей! Поистине с ним не соскучишься, для него очень подходит — «быть серьезным и требовательным не значит — постным и скучным». Поистине, с ним не соскучишься! Да, к слову, на той стене впоследствии многие, посещавшие этот дом, расписывались, пытаясь с юмором выразить себя, но его никто не переплюнул! Когда моих друзей позвали в Москву на работу в ЦК партии, по-моему, больше всего они жалели, что не могут увезти с собой эту стену.

С ним можно вести долгие доверительные разговоры, которые в быту так метко называют «за жизнь»; можно проникновенно

беседовать почти на интимном уровне по своей тонкости; можно ожесточенно спорить до хрипоты, выражая несогласие с его доводами, спорить, злиться за неимением аргументов, опрокидывающих его сермяжную правду. Но всегда приходится удивляться широкому калейдоскопу его доводов, если даже они бывают по сущности своей «от лукавого». Его домыслы, доводы часто бывают построены на каком-то особом взгляде на события, на особой логике, идущей от жизни. Споришь, а потом долго вспоминаешь и мучаешься несравненной слабостью своих собственных возражений по сравнению с его, даже тогда, когда убежден в своей правоте. Но что неизменно, так это то, что с ним всегда интересно говорить буквально обо всем! А что стоит его сокрушающий своей непосредственностью юмор, афористичность, которые присутствуют как в беглых словесных перебросках, так и в серьезных беседах!!! Недавно, кстати, одна юная девушка, сетуя на то, что, мол, в массе своей современные молодые мужчины не интересны, очень однотипны, отличаются своей внутренней погашенностью, вдруг призналась, что с Максимом Матвеевичем ей всегда интересно, потому что в нем чувствуется молодой задор, горение в помыслах и действиях. Хорошее признание, если еще учесть возраст Максима Матвеевича. И неудивительно, в этом его индивидуальность. Откуда он черпает эту свою потрясающую энергию, желание бесконечно испытывать жизнь? И конечно, такое горение делает человека юношески молодым в любом возрасте. Да, возраст человека весьма индивидуален.

Он может быть жестко принципиален, не стыдиться своей жесткости, неумения прощать людям, обозначившим неприемлемые для него проступки; умеет дружить с удивительной душевной щедростью, иногда не с теми, кто этого заслуживает (у него на это есть своя логика). Умеет, если вынуждают обстоятельства, перешагивать в отстаивании своей позиции через головы властей предрежащих, контактировать с представителями всех политических партий, хотя верен одной, властных структур, подчас выходящих друг с другом «на ножи». Что это, всеядность? Думается, отнюдь нет! Это что-то другое. Может быть, такая позиция называется мудростью? А почему бы и нет, если это важно для дела! Ведь дело, общественное дело для него было всегда превыше всего. Часто кажется, что он о жизни знает чуть-чуть больше, чем все остальные люди, и это дает ему

основания для маневра. А внутренняя свобода, которой он обладает сполна, позволяет ему самые неожиданные формы самовыражения. Понимая буквально все в окружающем его мире, он бывает не только серьезен и глубок в действиях, но иногда и просто начинает поддразнивать нарочитую серьезность пустых действий, заседаний, резолюций, так часто продуцируемых современными деятелями, и фактически присутствуя, представлятельствуя на такого рода заседаниях, может демонстрировать свое полное отсутствие на них, уничижая и подчеркивая тем самым пренебрежение к ненужности такой деятельности.

Помнится, в те времена, когда демонстрировался стиль разноса в вышестоящих партийных органах, выговор по партийной линии можно было получить «ни за понюшку табаку», как говорится, со всем оформлением и вытекающими из этого последствиями. Что греха таить, бывало, что «героев» этих событий уносили вперед ногами или в больницу. Максиму Матвеевичу за дерзость в словах и делах выносили не раз выговор. Реакция была у него потрясающая: он укатывался от хохота, приглашая распить бутылку шампанского на капоте своей машины, проговаривая: «За битого двух небитых дают». Наверняка он был уязвим и сильно переживал как это, так и другое, но сила духа, самокритичность и понимание, что его ошибки продиктованы одним — ускорить дело, спасали. А может быть, он хорошо знал, чтобы последнее спорилось, нужно иногда набраться храбрости и переступить через глупую чиновничью рутину. «Не для себя, а для народа», — шутил он. Сила духа... Хотя, конечно, он был досягаем для психологических травм. По-своему он очень ранимый человек, только умеет это не показывать, справляться с этим наедине с самим собой. Но бывало, что казалось, на какой-то чепуховой малости его сознание стопорило, и он явно неадекватно переживал, продолжительно мучался. Так, он мне однажды рассказал одну историю его молодости, которую не может забыть до сих пор. По моему мнению, дело яйца выеденного не стоило, но он так искренне сокрушался, что были-де моменты, когда ему не хватало мужества следовать принципам порядочности. Будучи совсем молодым, но уже приобщенным к кругу авторитетных людей, он вдруг услышал из их уст неблаговидное суждение о человеке, которого очень уважал. Подавленный в то время авторитетом этих солидных людей, он не воз-

разил и... мучается до сих пор, рассказывая об этом с беспредельной укоризной в собственный адрес. Что это, переоценка собственных поступков? Нет, наверное, это та щепетильная требовательность к себе человека-правдолюбца, имеющего незыблемые принципы высокой человеческой порядочности. Интересно, были ли у него в жизни моменты, сокрушающие человеческое «я», делающие подчас из человека циника, зараженного неверием в человеческую совесть? Наверно, все это было, судьба не была скупа к нему в этом отношении. Такие яркие люди, как Максим Матвеевич, не живут без предательства, без врагов, но он, безусловно, умел подниматься над этой человеческой нечистоплотностью, иначе был бы раздавлен. Но стыд и боль за людей не дешево, наверное, ему обходились, хотя и закаляли его дух. Оттого он так благодатно влияет на людей, когда их надо поддержать, вздыбить, подтолкнуть к действию, помочь не распускать нюни.

Когда Максим Матвеевич, пружинистым шагом идет по улице, коридорам учреждений и почти вбегает по ступенькам вверх к кафедре или в президиум, никто не замечает, что у него нестерпимо болят ноги, каким усилием он подавляет эту боль. Нет, никто никогда и не догадывается о его физическом и душевном состоянии, всех этих дискомфортах и даже страданиях от всевозможных болей — следствиях приобретенных на войне недугов и благоприобретенных потом из-за этого вечного «некогда». Это мужество, которое требуется от человека всю его жизнь, но не всем дано его иметь. Он читает прекрасно лирические стихи, говорит о прошедшей войне так, будто эта незаживающая рана болит до сих пор. Наверное, болит... И все же с ним действительно всегда весело. «Ни одного дня без собственно созданной радости» — это один из многих его афоризмов, это его жизненное кредо. Оптимизмом он заражает всех окружающих, поэтому он желанный гость в любом доме, в любом коллективе, в будни и в праздник. О нем нельзя сказать, что он лучезарный человек, слишком он основательный, но одно безусловно — от него исходит энергия жизнеутверждения. Да, возраст очень индивидуален...

Пусть будет благословен и продолжителем путь этого человека, живущего и работающего среди нас, с нами во имя людей и для людей, обладающего высшей истиной: обрести себя и помочь в этом другим людям. Пусть будет благословенна его жизнь!..